

Studia Culturae: Вып. 4 (38): Academia: А.Н. Колосков. С. 25-33.

A.N. KOLOSKOV

*Кандидат филологических наук, старший преподаватель
Санкт-Петербургский государственный университет*

ПАРАДИГМАТИКА ОВЕЩЕСТВЛЕНИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА В КУЛЬТУРЕ. «ЛИТЕРАТУРОЦЕНТРИЗМ». ЦЕНзуРА

В статье исследуется феномен овеществления художественного произведения в культуре, в частности в период «литературоцентризма». Анализируется «художественная вещь» в сфере политической культуры. Предпринимается попытка рассмотреть цензуру не только, и не столько в биографическом или историческом измерениях, сколько определить её как некую константу культуры, которая имеет процессуальный характер. Феномен цензуры изучается как некое «влияние» на художественную «вещь», на сферу автора.

Ключевые слова: Вещь, цензура, политическая культура, художественное произведение, автор, концепт, культурное влияние, власть, история культуры

Статья подготовлена в рамках гранта РФФИ №17-03-00613 «Феномен вещи в информационной культуре».

A.N. KOLOSKOV

*PhD in Philosophy, Senior Lecturer
Saint-Petersburg State University*

PARADIGMATICS OF OBJECTIFICATION OF THE ART TEXT IN CULTURE. «LITERATUROCENTRIZM». CENSORSHIP

In article the phenomenon of objectification of the work of art in culture, in particular in the period of «literaturocentrism» is investigated. «The art thing» in the sphere of political culture is analyzed. An attempt to consider censorship not only, and not so much in biographic or historical measurements how many to define it as a certain constant of culture which has procedural character is made. The phenomenon of censorship is studied as certain «influence» on art «thing», on the sphere of the author.

Keywords: Thing, censorship, political culture, work of art, author, concept, cultural influence, power, cultural history

This work was supported by Grant RFFI №17-03-00613 «The Phenomenon of object in the information culture».

В названии статьи представлены два значимых для культуры концепта: «литературоцентризм» и «цензура». Первый отсылает нас к определённом временному континууму культуры – XIX - первой половине XX века. Второй концепт обозначает ракурсе исследования феномена художественного текста

как «вещи» в культуре. Данная публикация является продолжением исследования феномена овеществления художественного произведения в культуре, предпринимавшееся ранее.

Безусловно, осмысление феномена цензуры в культуре является далеко не новым, актуально и сегодня, и ведётся как в научном дискурсе, так и на уровнях общественном, бытовом. Историки и журналисты, социологи и политики, культурологи и писатели, многочисленные пользователи сети Интернет и т.д. высказывают свои суждения о границах цензуры, об институтах цензурирования, в принципе о необходимости или ненужности цензуры как таковой. Приёмами современной культуры являются маркирование возрастных ограничений для книжной, телевизионной, продукции, кинофильмов и т.п. Введение ограничений, например, «при демонстрации сцен табакокурения» или «при использовании ненормативной лексики». Следует отметить определённую «локальность» сфер цензурирования: в большей степени регламентируется сфера «официального» телевидения, книгопечатания; в меньшей – пространство Интернета. Таким образом можно говорить о специфике пребывания художественного текста (в широком смысле понятия) в космосе политической культуры и о цензуре как институте и инструменте, определяющем эту специфику.

Характеризуя структуру и сущность политической культуры, О.В. Гаман-Голутвина совершенно справедливо отмечает возникающую перед исследователем при обращении к этому феномену дилемму: с одной стороны, необходимо, сообразно сложившимся научным стереотипам, стремиться к предельной четкости определений, с другой стороны, необходимо учитывать онтологическую природу изучаемого объекта (либо его гносеологическую природу) [1;186]. Необходимо добавить ещё и проблему поиска языка конгениального объекту, но не выходящего за рамки научного дискурса (а скорее, развивающего, дополняющего данный дискурс) и возвышающегося над языком самопрезентации анализируемого феномена. О.В. Гаман-Голутвина, отмечая фактор «нечеткости» при определении такого явления, как политическая культура, представляет его в качестве единства трех компонентов: когнитивно-эмоционального, нормативно-ценностного и деятельностного [2;186-187]. При этом ядром политической культуры «является нормативно-ценностный компонент – система политико-идеологических ценностей и норм, регулирующих политическое поведение и политические отношения в целом» [1;187]. При данном подходе остается открытым вопрос о специфике взаимоотношения когнитивно-эмоционального компонента и компонента нормативно-ценностного. Если посмотреть на проблему с метафизической точки зрения, непроясненным оказывается статус того или иного типа мышления в политической культуре, точнее, разговор переводится в русло «политического сознания», которое, являясь феноменом, по мысли исследователя, ещё

более сложным, чем феномен политической культуры, определяется так: «сложное идеальное многомерное, многоуровневое образование, представляющее собой отражение системы политических отношений в сознании политического субъекта, в качестве которого могут выступать индивид, группа или масса людей» [1;193].

Историческая наука, политология, социология в понимании сущности феномена политической культуры в целом наследуют традиции американских политологов Г. Алмонда и С. Вербы, согласно которой феномен может быть представлен в виде трех уровней ориентаций: познавательных (политические знания, политическое сознание, способы политического мышления, политическая грамотность); эмоциональных (политические ценности, традиции, идеалы, убеждения и т.д.); оценочных (связанных с оценкой субъектом политической системы, политической ситуации т.д.) [2;122-134]. Эти же авторы в разные периоды своего научного творчества, видимо, ощущая недостаточность или не полное соответствие собственных типологий политической культуре как феномену, предлагали новые типологии. Так, Г. Алмонд и С. Верба предложили типологию (названную впоследствии классической), которая новывалась на специфике психологических ориентаций людей внутри политической системы и вне политической системы (реакция на неё). В результате ученые описали три «идеальных типа» политической культуры: парохальная (традиционалистская, замкнутая, патриархальная, личность мыслит себя только как часть локального сообщества, а актер выполняет одновременно религиозные, политические, экономические функции); подданническая (культура подчинения, в которой отсутствуют основные входные каналы и личности не рассматривают себя в качестве участников политической деятельности); партисипаторная (культура участия, которой свойственна высокая политическая грамотность граждан и их активное участие в политической деятельности, причем участие осознанное, основанное на убеждении его продуктивности). Безусловно, реалии политической жизни XX века показали максимализм подобной дифференциации.

Чем обусловлена необходимость обращения к дефиниции вновь? Как видим, во всех случаях определения политической культуры мы имеем дело с системным подходом к исследуемому явлению. Эта фундаментальная работа, проделанная серьезными исследователями, является основанием для дальнейшей разработки феномена политической культуры в рамках предложенного Ю.Н. Солониным методологического синтеза, путь к достижению которого ещё только начинает прокладываться: «в своих радикальных формулировках противопоставлению квантитативизм – квалитативизм отвечают оппозиции феноменализм-субстантивизм, система-целостность. Но этот радикализм, уместный в теоретическом плане для прояснения базовых различий и специфик понятийно-методологических особенностей обеих познавательных (и он-

тологических) стратегий, едва ли приемлем в качестве базиса для конструирования новой исследовательской парадигмы. Проблема не может ставиться так: изживающий свои возможности познания квантитативизм должен уступить место квалитативизму» [3;12].

Итак, вернемся к дефиниции «политическая культура». Оба компонента определения, как уже указывалось, имеют традицию широкого и узкого толкования. В нашем случае термин «культура» в попытке целостного подхода к её осмыслению продуктивно толковать широко: как совокупность всего сотворенного человеком в областях духовного, материального, интеллектуального, социального и т. д. Такой широкий подход оправдан наличием прилагательного «политическая» в определении. В философской мысли существует традиция субстантивации этого прилагательного. В этом случае понятие «политическое» обретает широкий смысл, а понятия «политика», «полиция» принимают смысл более узкий, прикладной, прагматический, рациональный, связанный с общественными процессами и политическими технологиями. Так, например, Жак Рансьер в книге «На краю политического» разводит эти понятия: «...что такое политическое? Я отвечу как можно короче: политическое есть встреча двух гетерогенных процессов. Первый – это процесс управления. Он состоит в организации собрания людей в сообщество и консенсуса между ними и основан на иерархическом распределении мест и функций. Такой процесс я назову полицией (в цитатах курсив автора – А.К.). Второй процесс связан с равенством. Он состоит во взаимодействии практик, направляемых предположением равенства кого угодно с кем угодно и заботой о верификации этого равенства. Наиболее подходящим термином для обозначения этого взаимодействия является эмансипация...» [4;99-100]. Фактически Рансьер намечает пути исследования не только процессов самоорганизации, коммуникации, взаимодействия и взаимовлияния, но и самой сферы политического. А категория «несправедливости» в его понимании оказывается вынесенной за рамки этики и становится универсальным инструментом. Работа Ж. Рансьера с терминами, субстантивация политического, его характеристика помогают в дефиниции политической культуры. Однако необходимо вспомнить исследователей из хронологически более ранней традиции осмысления названных выше понятий. Данной теме был посвящен своеобразный диалог Лео Штрауса и Карла Шмитта. Первый из собеседников в «Замечаниях к понятию политического Карла Шмитта» писал: «Шмитт недвусмысленно отказывается давать «исчерпывающую дефиницию» политического. Вопрос о «сущности политического» он понимает с самого начала как вопрос о специфике политического... до сих пор актуален собственно либеральный ответ на вопрос о роде, внутри которого следует определять своеобразие политического и тем самым государства, звучащий так: этот род – «культура», то есть тотальность «человеческого мышления и действия», которая членится на «различные относи-

тельно самостоятельные предметные области», «культурные провинции». Однако Шмитт ясно отказывается сопоставлять политическое с другими «культурными провинциями»: различие друга и врага «не равноценно и не аналогично ... другим различениям»; политическое не обозначает никакой «собственной новой предметной области» [5;114-115].

Вопрос об эстетическом повороте как актуальной ориентации современной философской рефлексии ставит А.А. Грякалов [6;49-58]. Эстетическое автором рассматривается в топологической соотнесенности с политическим. Исследователь отмечает, что жизненная обращенность эстетического непосредственно коррелирует с политическим – сознанием и существованием. В производстве субъективности эстетическое и политическое соотносятся А.А. Грякаловым с антропологическими и экзистенциальными смыслами существования [6;50]. А.А. Грякалов отмечает, что «политическое ставит под вопрос настоящее с его многообразием проявлений и чрезвычайной сложностью определения единого во многом – константных характеристик существования, без понимания которых жизнь социума лишается перспектив. Именно в политическом непосредственно ощущается заброшенность в бытие не только в смысле онтологической включенности существования, но и как вытесненного пребывания – отставленности. Политическое является сферой, в которой человек не может отказаться от необходимости думать о настоящем – при этом самого себя встраивая в запрос, который исходит из существования... Действие встроенной в существование мысли о политическом дает возможность состояться мысли вообще...» [6;50]. Важно отметить, что А.А. Грякалов демонстрирует возможность выхода на понимание качественной картины культуры, не погружаясь при этом в сферу неких абстракций: «Очевидность политического раскрывается именно в эстетическом. Эстетическое выступает, во-первых, как образ очевидности самой по себе, во-вторых, как особого рода фоновая практика порождения мысли, в-третьих, способно придавать политическому событийный характер. Некоторым образом эстетическое пристраивает политику к своему месту – делает уместным, парадоксально добавляя политическому видимую фактичность. Любой образ «хорошей жизни» или «хорошего общества» проективно включает в себя эстетическую компоненту – рефлексия политического не может обойтись без некоторой рефлексии вкуса. В то же время эстетической не дает политическому дискурсу стать «монотональным» - этим эстетическое привлекает носителей достаточно распространенного протестного сознания» [6;52].

В разные исторические периоды, в рамках разных методологий означенные проблемы активно осмыслились и осмыслиются по сей день в научной парадигме социальных и гуманитарных наук. Безусловно, активность этого процесса определения связана, с одной стороны, со сложной природой названных явлений, с другой стороны, с необходимостью в науке зафиксировать со-

держание познаваемого, означить эту самую сложность. Научный дискурс во всех смыслах не может быть оторван от изменчивой социокультурной реальности, вследствие чего способы рефлексии актуальных проблем «политического» и её результаты ангажированы личностью автора, определенной жизненной ситуацией, заказом власти (или, напротив, её неприятием) и другими факторами. Сам научный дискурс, посвященный проблеме политического, во всем его историческом и методологическом многообразии должен стать предметом изучения в качестве сферы политической культуры. Многоуровневость рефлексий внутри политической культуры, а в случае с научным дискурсом попытка выхода за пределы конкретной политической реальности, – одна из её (политической культуры) существенных характеристик.

В рамках целостного представления о мире и культуре необходимо попытаться, опираясь на традицию, по-иному осмыслить феномен политической культуры. Первое, что в этом смысле представляется важным – необходимость отойти от структурирования этого явления. Политическая культура – сложное взаимодействие разных явлений культуры, которые мыслятся как политические, которые вовлекаются в сферу политического. Политическая культура имеет характер организма, каждая часть которого выполняет жизненно важные функции. Невозможно (да и не нужно) при целостном подходе к осмыслению политической культуры ставить радикальные вопросы, вроде «бытие определяет сознание, или сознание бытие?», с целью выстроить иерархичность её элементов. Думается, необходимо переосмыслить корректность термина «элементы», поскольку они коннотативно отсылают к системе, структуре. Возможно, более адекватными применительно к нашему феномену станет термин «сферы». В таком случае при характеристике политической культуры мы сможем говорить о взаимодействии, о взаимообусловленности когнитивной, ценностной, эстетической и других сфер. Представляется, что важной характеристикой политической культуры является её процессуальный характер, причем и в историческом смысле, и в смысле онтологическом.

Таким образом художественная вещь может становиться элементом политической сферы (актуальной или исторической), а цензура – это то, что «выявляет», «формирует» её статус в этом процессе.

Обратим внимание на историю литературы (хотя, впрочем, это же можно отнести и к истории искусств в целом): эта история неразрывно связана с преодолением цензурных барьеров, причем единообразие логики «цензурирования» придает именно соотношению сущности произведения с «интересами» власти. Сущность эта может определяться идеологией произведения, формальными характеристиками произведения, культурным контекстом. Вспомним, к примеру, широко известное «дело» А.Н. Радищева. В историю литературы «Путешествие из Петербурга в Москву» вошло как произведение передовое, «революционное», однако таковым его сделала сама власть, узрев в

«новгородской» теме, оде «Вольность» и других сюжетах «смуту», сродни актуальным французским революционным событиям. Сама история создания произведения, история его вхождения в культуру, следственное дело писателя необычайно увлекательны и имеют для культуры не меньшее значение, чем «просто произведение» [7; 475-624]. Другим примером (уже из XX века) может стать известное произведение М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита». Известно, что одной из значимых купюр при первой публикации романа в журнале «Москва» стали сцены с Никанором Ивановичем Босым и его «спекуляцией» валюты. Современному читателю реакция советских цензоров на этот сюжет может показаться странной, если не принимать во внимание реалии времени публикации (запрет в Советском Союзе на манипуляции валютой). И подобных примеров существует великое множество как отечественных, так и зарубежных [8].

Любая художественная вещь является фактом не только культуры, но и личной жизни автора, поэтому и цензура может быть осмыслена на уровне интимном, биографическом. «Шел, злился, вспоминал почему-то, как я интервью давал некоему радио. И тоже тогда злился. И очень агрессивно требовал, чтоб они из речи ничего не убирали – по правилам новообразованной цензуры! А как она образуется, цензура? Так, как из резинового клея спирт добывается. Надо эту вязкую, липкую, вонючую массу разогреть. Сунуть туда палку. Опустить. И быстро крутить. Наворачивается такой ком: его вынимают. А субстанции, что остались в котле, можно при остром желании пить. И вот в наше это разогретое варево, в котел воткнули что-то вертикальное. И быстро крутят. И налипают на палку всё, что делает клей клеем. Одно только неизвестно: спирт-то сами будут пить? Наверное, сами. А нам – ком тот мерзостный. Смоляной человек. Как в сказке» [9;580]. Вот так эмоционально и художественно выразил своё отношение к «русскому письменному» и «русскому устному», к способам цензурирования русский писатель А.Г. Битов. Действительно, цензура, если обратиться к истории, не может быть маркирована исключительно как способ организации социокультурного пространства, она всегда существовала и существует в культуре и на уровне экзистенциальном.

Мишель Фуко на выступлении в Философском обществе, в котором обсуждался вопрос о том, что такое автор (впоследствии опубликованном) отмечал, что «автор – это принцип некоторого единства письма, поскольку все различия должны быть редуцированы по крайней мере с помощью принципов эволюции, созревания или влияния» [10;27]. Думается, цензуру можно отнести к тому, что Фуко называет «влиянием». Безусловно, это влияние имеет некий метафизический смысл, заключающийся не только во вторжении пространства знаков, даже дискурса, но и во вторжении в интимную сферу целостной личности автора. Однако, продолжая мысль философа, «автор – это ещё и то, что позволяет преодолеть противоречия, которые могут обнаружиться в серии

текстов: должна же там быть – на определенном уровне его мысли или его желания, его сознания или его бессознательного – некая точка, исходя из которой противоречия разрешаются благодаря тому, что несовместимые элементы наконец-то связываются друг с другом или организуются вокруг одного фундаментального или изначального противоречия. Автор, наконец, – это некоторый очаг выражения, который равным образом обнаруживает себя в различных, более или менее завершенных формах: в произведениях, в черновиках, в письмах, во фрагментах и т.д.» [10;27-28].

Подводя некоторые итоги, можно отметить, что феномен цензуры не изменяется исключительно историческим, биографическим или социокультурным уровнем. Ответить на вопрос, необходима ли цензура (если да, то каковы её границы) или нет, невозможно, в этом случае представляется более важным обратить внимание на изучение процесса «вхождения» художественной вещи в культуру, её существование в определенных социокультурных условиях. Художественная «вещь» обретает свою «самость» в процессе, частью которого является цензура (как своеобразное «действие» власти, в философском смысле этого понятия). С другой стороны, «художественная вещь», пожалуй, даже в большей степени, чем вещь вообще «всегда целое (гештальт), она существует, есть и причём вне всякой обусловленности чьей-то волей или Законом» [11;32].

ЛИТЕРАТУРА

1. Гаман-Голутвина О.В. Политическая культура как компонент культуры // Теоретическая культурология, М.: Академический проект; Екатеринбург: Деловая книга; РИК, 2005. – 624 с. (Серия «Энциклопедия культурологии»).
2. Алмонд Г., Верба С. Гражданская культура и стабильность демократии // Полис, 1992, №4
3. Солонин Ю.Н. К целому как фундаментальному понятию философии и науки // На путях к учению о целостности: историко-философские очерки. – М.: Международный издательский центр «Этносоциум», 2011. – 120 с.
4. Рансьер Жак На краю политического / Пер. с франц. Б.М. Скурагова. – М.: Праксис, 2006. – 240 с.
5. Хайнрих Майер. Карл Шмитт, Лео Штраус и «Понятие политического». О диалоге отсутствующих / Пер. с нем. Ю.Ю. Коринца; под ред. А.В. Михайловского. М.: Издательская группа «Скимень», 2012. – 192 с.
6. Грякалов А.А. Эстетическое и политическое в контексте постсовременности: топос НОМО AESTHETICUS // Вопросы философии, 2013, №1.
7. Западос В.А. История создания «Путешествия из Петербурга в Москву» и «Вольности» // Радищев А.Н. Путешествие из Петербурга в Москву. Вольность; СПб: Наука, 1992. – 672 с. (Серия «Литературные памятники»).
8. Дарнтон Роберт Цензоры за работой. Как государство формирует литературу; М: Новое литературное обозрение, 2017. – 384 с. (Серия «интеллектуальная история»).
9. Блюи Арлен Русские писатели о цензуре и цензорах. От Радищева до наших дней: 1790-1990: Опыт комментированной антологии; СПб: ООО 2Полиграф», 2011. – 608 с.
10. Фуко Мишель Воля к истине. Потустороннее знание, власть и сексуальность; М: Магистеріум, Касталь, 1996. – 447 с.
11. Подорога В. А. Вопрос о вещи. Опыт по аналитической антропологии; М: GRUNDRIS, 2016. – 348 с.

TRANSLIT

1. Gaman-Golutvina O.V. Politicheskaya kul'tura kak komponent kul'tury // Teoreticheskaya kul'turologiya, M.: Akademicheskiiy proyekt; Yekaterinburg: Delovaya kniga; RIK, 2005. - 624 s. (Seriya «Entsiklopediya kul'turologii»).
2. Almond G., Verba S. Grazhdanskaya kul'tura i stabil'nost' demokratii // Polis, 1992, №4.
3. Solonin YU.N. K tselomu kak fundamental'nomu ponyatiyu filosofii i nauki // Na putyakh k ucheniyu o tselostnosti: istoriko-filosofskiye ocherki. – M.: Mezhdunarodnyy izdatel'skiy tsentr «Etnosotsium», 2011. – 120 s.
4. Rans'yer Zhak Na krayu politicheskogo / Per. s frants. B.M. Skuratova. – M.: Praksis, 2006. – 240 s.
5. Khaynrikh Mayyer. Karl Shmitt, Leo Shtraus i «Ponyatiye politicheskogo». O dialoge otsutstvuyushchikh / Per. s nem. YU.YU. Korintsy; pod red. A.V. Mikhaylovskogo. M.: Izdatel'skaya gruppa «Skimen», 2012. – 192 s.
6. Gryakalov A.A. Esteticheskoye i politicheskoye v kontekste postsovremennosti: topos HOMO AESTHETICUS // Voprosy filosofii, 2013, №1.
7. Zapadov V.A. Istoriya sozdaniya «Puteshestviya iz Peterburga v Moskva» i «Vol'nosti» // Radishchev A.N. Puteshestviye iz Peterburga v Moskvu. Vol'nost'; SPb: Nauka, 1992. – 672 s. (Seriya «Literaturnyye pamyatniki»).
8. Darnton Robert Tsenzory za rabotoy. Kak gosudarstvo formiruyet literaturu; M: Novoye literaturnoye obozreniye, 2017. – 384 s. (Seriya «intellektual'naya istoriya»).
9. Blyui Arlen Russkiye pisateli o tsenzure i tsenzorakh. Ot Radishcheva do nashikh dney: 1790-1990: Opyt kommentirovannoy antologii; SPb: OOO 2Poligraf, 2011. – 608 s.
10. Fuko Misha' Volya k istine. Po tu storonu znaniya, vlasti i seksual'nosti; M.: Magisterium, Kastal', 1996. – 447 s.
11. Podoroga V. A. Vopros o veshchi. Opyty po analiticheskoy antropologii; M.: GRUNDRISS, 2016. – 348 s.